

Евгений КОЧАНОВ

ВРАЩАЯ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ГЛОБУС

Продолжение

АРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Отважный монах Сюань Цзан, герой классического китайского романа «Путешествие на запад», добрался-таки до священного места рождения Будды – на современном глобусе оно находится в местечке Лумбини, на территории современного Непала. Именно там родился принц Гаутама Сиддхартха, наследник царя народа шакьев, названный также Шакьямуни. Он не знал ничего о людских горестях и, столкнувшись с ними, предался безграничной печали. Тайно покинул царский дворец и отправился в путь в одежде слуги, смешавшись с толпой. «Хождение в народ» привело его в деревню Бодх-Гая, где под развесистым деревом пипал на него снизошло просветление, и с этого момента он стал известен миру под именем Будда – «просветленный». Отростки от этого дерева до сих пор сажают в буддийских странах; я видел их в Камбодже, Таиланде, Шри Ланке...

Непал, как ни странно, страна вовсе не буддийская, хотя и стоит на пути к одному из оплотов мирового буддизма – Тибету. Около 70 процентов населения исповедуют индуизм, причем Непал – единственная страна в мире, где индуизм является государственной религией.

Вот уж, действительно, страна контрастов – и на крошечной площади, едва заметной на нашем глобусе. С одной стороны – тераи, непроходимые джунгли с неперенными тиграми, слонами и носорогами. С другой – Эверест, или Джомолунгма, самая высокая гора планеты, ее сестра Аннапурна. И – до сих пор не могут точно подсчитать количество языков, на которых говорят непальцы. Во всяком случае, не меньше шестидесяти.

Когда-то, более двухсот лет назад, династия Шах захватила престол и правит по сей день. Власть долгое время обеспечивали гуркхи – воинственное племя, сыгравшее не последнюю роль и в колониальной политике Великобритании, и даже в Первой и Второй мировых войнах. Мы часто видим на блошиных рынках и даже в дорогих магазинах их традиционное оружие – «кхукри», короткий тяжелый меч, изогнутый лезвием вперед. Именно меч, а не кинжал, как считают некоторые, хотя его длина может не превышать и 20 сантиметров. Но гуркхи пользуются им как мечом – и выходят победителями из любой схватки. Около двух столетий назад они заключили соглашение с Англией и придерживаются его до сих пор. Около десяти тысяч гуркхов служат в элитных частях британской армии и около пятидесяти тысяч – в армии соседней Индии, которая, кстати, строго придерживается британских военных традиций.

Помню, как в Москву приезжал король Махендра Бир Бикрам Шах Дэва. В общем-то, просто Махендра – «бир бикрам» означает «муж доблестный», дэва – «бог», «божественный». Шах, как вы понимаете, это династическое имя. Не тот шах, что был в Иране. Хотя и тот тоже приезжал.

Хрущевское было время – кто-то называл его «оттепелью», кто-то бегал за продуктами и мечтал вырваться из коммуналки, а я просто убежал с лекций, не ощущая в своей памяти пагубных следов недавнего прошлого. Всякие приезжали – запомнилось лишь: «Он создан был непальцем и непалкой».

Вскоре трудное время настало для Непала. Махендру сменил его сын Бирендра, учившийся в Гарварде и Итоне. Он-то и начал активизировать парламентскую демократию, введенную еще отцом (после абсолютной монархии). Результатом явилось то, что в 1994 году к власти в Непале пришла маоистская Объединенная коммунистическая партия (марксистско-ленинская). Продержалась она недолго, уже на следующий год получила вотум недоверия. И тут же начала партизанскую войну, которая продолжается до сих пор. Многие помнят трагедию в Катманду –

в 2001 году наследный принц Дипендра перестрелял всех членов королевской семьи, включая отца, и застрелился сам. На трон вступил его дядя Гьянендра, делающий попытки подавить маоистский мятеж и укрепить центральную власть. Пока – лишь с переменным успехом. Но в любом случае ясно, что за пределы Непала этот мятеж не распространится и не будет больше попыток строить «бесклассовое общество» по образцу Камбоджи Пол Пота.

Любознательный читатель неизбежно задаст вопрос – что за «эндра» такая, что в любом королевском имени? Это Индра – один из верховных богов индуизма, и присоединение его имени к имени монарха символизирует и святость самой династии, и ее приверженность индуистской вере. А буддистов сейчас в Непале всего около пятнадцати процентов, не то, что было во времена Сюань Цзана.

Впрочем, он уже закончил свое «Путешествие на запад», достиг своей великой цели. Возможно, монах не предполагал, что Земля круглая, да еще и вертится, но мы-то в этом убеждены! (Хотя мне бы хотелось более очевидных доказательств.) Так или иначе, мы продолжаем двигаться на запад, каждым шагом своим отдаляя закат.

И все-таки сначала вернемся немного назад, к тому месту, где неутомимый путешественник вступил на священную для него землю Индии, где буддизм тогда был распространен гораздо шире, чем теперь, и претендовал на звание доминирующей религии. Мы знаем, что такое положение продержалось сравнительно недолго, и индийцы (на самом деле огромное множество народов и племен) вернулись к древней ведической религии – индуизму, который, правда, к тому времени уже распался на несколько течений, не противоречащих, впрочем, друг другу. Саму эту религию принесли на новые для них земли воинственные кочевые племена арьев, или, как их называли в недавнем прошлом, арийцев. Кто-то считает – с востока, кто-то – с запада; дела, отстоящие от нас на три тысячелетия, трудно проследить со стопроцентной достоверностью. Большинство относит прародину арьев к Северному Причерноморью, откуда они двигались в разных направлениях – и на юг, и на восток, и на запад. В конце 18-го века английский лингвист У. Джонс предположил, что древнегреческий, латинский, древнеиндийский санскрит, древнегерманский и кельтский языки происходят из одного источника. Чуть позднее датчанин Расмус Раск и особенно немец Якоб Гримм развили эту теорию, названную индогерманской и позже – индоевропейской; оказалось, что не только, скажем, немцы и русские – родственники по крови и по языку, но к этой семье родственных народов относятся также и греки, и армяне, и осетины, и иранцы с таджиками, и многие индийцы и пакистанцы, и многие афганцы, и даже вымершие хетты.

Потом появилась теория «нордической расы» якобы высшей среди арийцев (Гобино, Чемберлен), согласно которой «неарийские народы» – в трактовке Гитлера семиты и цыгане – подлежат уничтожению. Что Гитлер и сделал одним из принципов политики Третьего рейха. Впрочем, вряд ли стоит относить цыган к неарийским народам – они происходят из Северной Индии и говорят на одном из индоевропейских языков. Их самоназвание – «рома», «человек, мужчина» явно восходит к Раме, герою древнеиндийского эпоса «Рамаяна». «Синти» – другое самоназвание цыган – может иметь отношение к Сите, супруге и соратнице Рамы.

Что же касается семитов, то для Гитлера это были лишь евреи. С арабами, семитами намного более многочисленными, он, наоборот, старался установить тесные отношения и до сих пор имеет многих высокопоставленных поклонников в арабском мире.

Библейская история доносит до нас факты первых контактов евреев с индоевропейскими народами – те же хетты упоминаются неоднократно. Но, пожалуй, наибольшее впечатление оставляет Книга Эсфирь – история взаимоотношений с двором персидского шаха Артаксерса (Ахашверша) Первого.

События V века до нашей эры. Согласно Книге Эсфирь, Персия тогда владела ста двадцатью семью областями от Индии до Эфиопии. Покорила она и Вавилонскую державу, царь которой Навуходоносор (Набукаднеззар) ранее угнал в плен покоренных евреев. «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе...» – знаменитый 136-й Псалом, вдохновивший десятки художников и музыкантов – от Верди до «Бони М». Персидский царь Кир Великий отпустил иудеев на родину, но многие так и остались «в странах рассеяния (*греч. диаспора*)» – и в самом Вавилоне, и в городах начавшей победоносное шествие Персидской империи. В Сузах, «престольном городе», жили сирота Эсфирь и Мардохей, ее дальний родственник и приемный отец. Девушка стала любимой женой царя, скрыв свое еврейское происхождение (видимо, антисемитизм уже тогда был силен!). И когда царский советник Аман (что-то вроде

Адольфа Эйхмана древних времен) вознамерился уничтожить всех евреев на имперской территории, Эсфирь и Мордехай сорвали этот зловещий план. В ознаменование этого каждый год евреи отмечают праздник Пурим – наверное, самый веселый и бесшабашный праздник в традиции иудаизма.

Персы, вероятно, были первыми из древних завоевателей, которые посягнули на Европу. Греко-персидские войны тянулись бесконечно долго и с переменным успехом. Победы греков при Марафоне и Саламине, какими бы славными они ни были, сыграли только временную роль; давление с Востока продолжалось, однажды персы дошли до Афин и сожгли их. И только в первой половине IV века до н. э. Александр Македонский разгромил стареющую державу Ахеменидов и поставил править Персией одного из своих полководцев, Селевка Никатора. Менялись цари и династии, на троне воцарились парфяне, постоянно угрожавшие власти Рима. В 53-м году до н. э. Марк Красс, триумвир Римской республики, решил снискать военную славу. Два других триумвира уже имели ее достаточно: Юлий Цезарь покорил Галлию, Гней Помпей – Ближний Восток. У Красса же за плечами – лишь подавление мятежа рабов, победа над которыми, как бы ни был опасен Спартак, не давала ему права на военный триумф (эта высшая римская почесть воздавалась лишь победителю суверенного противника, а рабы и гладиаторы таковыми не считались). Наплевав на все ранее заключенные договоры, он двинул свои легионы на Парфию, преемницу державы Селевкидов. В битве при Каррах его ждал разгром – и бесславная смерть. Десять тысяч римлян были пленены, отрезанную голову триумвира принесли парфянскому царю как охотничий трофей. Царь в тот момент смотрел в театре трагедию Эврипида «Вакханки»...

Наивысший и последний взлет Персидской империи был уже в VII веке нашей эры, в конце правления династии Сасанидов. Шах Хосров Парвиз («Победоносный») громил на всех фронтах византийские войска, взял Армению, Дамаск, затем Иерусалим, разорил храм Гроба Господня и перевез Истинный Крест, на котором был распят Христос, в свою столицу Ктесифон. Попутно были разгромлены христианские арабские княжества – арабы уже массово селились в этих местах. Затем он завоевал Египет, но на этом военное счастье кончилось. Византийский император Ираклий собрался с силами, в союзе с хазарами отвоевал Армению, потом Сирию и Месопотамию. Наконец, выдержав осаду Константинополя, Ираклий двинулся на Ктесифон – и персидская держава пала. После смерти Хосрова прошло всего 12 лет – и Персия стала легкой добычей арабской конницы мусульманского халифа Омара. И, разумеется, исламизирована настолько, насколько это возможно было сделать.

А сделать это было нелегко. Древняя дуалистическая религия зороастризма, восходящая к верованиям ариев, была систематизирована еще в VI веке до н. э. великим реформатором Заратуштрой (в греческой интерпретации Зороастром). Результатом явилась «Авеста» – многотомный труд, записанный на воловьих шкурах, священная книга древних персов. По имеющимся источникам, большая часть книги была уничтожена Александром Македонским, насаждавшим в покоренных странах эллинскую религию и культуру. Лишь через десять веков, при династии Сасанидов, удалось что-то из утраченного восстановить из устной традиции и оставшихся томов. «Авеста» существует и сейчас, но далеко не в первоначальном виде. Вот только приверженцев зороастризма осталось немного – в самом Иране небольшая община в городе Йезд, а многие, спасаясь от мусульманских преследований, еще более тысячелетия назад перебрались в соседнюю Индию, в район Бомбея. Там их называют «парсами», в веротерпимой Индии они занимают солидные экономические и общественные позиции. Все мы, конечно, помним Индиру Ганди, и многие убеждены, что она находилась в родстве с отцом индийской независимости Махатмой Ганди. На самом деле – это ее фамилия по мужу, функционеру Индийского Национального Конгресса Ферозу Ганди, который был парсом и не имел никакого отношения к Махатме.

Арабы насаждали ислам в Иране огнем и мечом; может быть, с тех времен сохранилось довольно неприязненное отношение персов к арабам, не имевшим за плечами многовековой культуры и только-только выходящим из полукочевого состояния. Выражением этого глухого протеста стало широкое распространение в Персии «еретического» толка ислама – шиизма, в то время как завоеватели придерживались суннизма, ортодоксального направления.

Династии сменяли друг друга, Персия оказывалась то под властью сельджуков, то монголов, то их преемников – Тимуридов, то османских завоевателей, то восставших губернаторов – сатрапов. Это слово прочно вошло в европейские языки, в значении явно отрицательном. Хотя

в Персии – всего лишь название должности... И обычай, согласно которому государственные чиновники берут взятки, тоже был еще в персидской древности. Нам это представляется предосудительным, а там это было разрешено законом – до определенных пределов. Взятка называлась «пешкеш» – «подарок», в индийские языки вошла как «бакшиш».

И в это же смутное время явилась миру плеяда великих персидских поэтов. Трое гениев – Фирдоуси, Омар Хайам и Хафиз – этого достаточно, чтобы персидская литература стала важной частью мирового культурного наследия.

Политическая история Персии пережила еще один подъем при шахе Аббасе Великом (1587 – 1629), когда ему удалось поставить под свой контроль значительную часть древней империи. Правда, ненадолго. Надир-шах еще мог вторгнуться в Индию, захватить знаменитый «павлиний трон» и огромный бриллиант «Кох-и-нур». Но – наступало уже новое время, и на арену истории выступили европейские державы, в первую очередь Англия и Россия. Во время Первой мировой войны они кратковременно оккупировали Персию, чтобы обеспечить ее нейтралитет. То же самое повторилось и во Второй мировой войне. Советский Союз, опираясь на иранских коммунистов (партия «Туде»), попытался создать на территории Ирана марионеточные образования – «Народную республику Азербайджан» и «Курдскую народную республику». Это стало поводом для знаменитой «фултонской» речи Уинстона Черчилля, своего рода декларации «холодной войны».

Шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, подвергавшийся давлению с обеих сторон, в конце концов выбрал Запад и в военно-стратегическом, и в экономическом отношении. Гигантские запасы нефти и доходы, получаемые от их эксплуатации, позволили ему начать так называемую «белую революцию», направленную на демократизацию общества и улучшение участи населения страны. Увы, деньги уходили в песок, и ожидавшееся счастье так и не пришло. Пришло недовольство, которым воспользовалось мусульманское духовенство и близкие к нему партии и движения. Сопrotивление шахскому режиму нарастало, и 11 февраля 1979 года высшее мусульманское духовенство Ирана захватило власть в стране.

Александр Бовин, бывший тогда руководителем группы консультантов отдела международной информации ЦК КПСС, произнес в одной из телевизионных передач сакраментальное: «Товарищи, это революция». Прямого эфира тогда не было, но из записи это не вырезали – Цека, человек, дескать, знает, что говорит. Я был рядом, в монтажной, и у меня эта фраза никаких особых чувств не вызвала. Зато сусловские старички были категорически против, Идеологический отдел ЦК настаивал: «Революция – это святое!» Не знаю, получил ли автор определения какое-либо взыскание, но термин «исламская революция» получил хождение по всему миру и является сейчас единственно адекватным описанием происшедших событий.

Радикальное изменение общественного строя произошло почти внезапно, старые ценности (в общем-то, общечеловеческие), на которые была ориентирована «белая революция» шаха, были отвергнуты, и на смену им пришли новые, «исламские» ценности. Принято считать, что нынешний Иран – это полностью теократическое государство, регулируемое нормами шариата – исламского свода законов и установлений времен Пророка Мухаммеда, то есть финальной стадии родового общества на Аравийском полуострове (VII - VIII века нашей эры). На самом деле все, конечно, совсем по-иному. Такие понятия, как конституция, президент, премьер-министр, да и многие подобные, не могли существовать в шариате, но действуют в Иране. Другое дело, что высшее шиитское духовенство прочно удерживает власть и определяет как внутри-, так и внешнеполитический курс страны. «Большой Сатана» – США, «Малый Сатана» – Советский Союз. Такие внешнеполитические ориентиры определил покойный вождь «исламской революции» аятолла Рухолла Хомейни. Антизападная риторика (иногда и реальная политика) соседствует, и достаточно непротиворечиво, с международным сотрудничеством, без которого было бы невозможно бурное развитие иранской экономики. Налицо и обратный процесс – экономическая самодостаточность порождает иллюзии, что она достигнута исключительно благодаря «исламскому» правлению, и верхушка иранского общества все дальше отходит от понимания реальных процессов, происходящих в мире. «Сон разума порождает чудовищ», и нынешний президент Ирана Махмуд Ахмадинежад открыто призывает к уничтожению Израиля... На этот раз это не просто рецидив антисемитизма, впервые проявившегося в Иране две с половиной тысячи лет назад, – это устоявшееся и тщательно культивируемое мнение всего мусульманского мира. Иран же не просто ощущает собственную принадлежность к этому миру – он претендует на лидерство.

ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ – РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Что же такое «всемирная мусульманская община» – «умма», или, выражаясь более понятным языком, мусульманский мир? И правомерно ли вообще это понятие?

Религиозный признак как таковой не дает оснований для формирования целостного (и общего для большинства) мировоззрения ни в отдельно взятой стране, ни тем более в группе стран. В принципе, конечно, можно сказать: «весь христианский мир», но это понятие не намного более содержательно, чем «все человечество». «Христианский» – то есть отличающийся от всех иноверцев, «человечество» – то есть отличающееся от инопланетян...

Были моменты, когда именно религиозная идея объединяла народы, до этого различные в своих устремлениях, в едином движении – вспомним Крестовые походы или Реформацию. Потом все возвращалось на круги своя, и те же народы продолжали соперничать и даже воевать друг с другом. Возможно, более устойчивым показалось бы объединение по этническому признаку: «славянский мир», «англо-саксонский мир», «романский мир» и так далее. Но разве не воевали Россия с Польшей, разве не была такая близкая нам Болгария в двух мировых войнах на стороне противников России? Англия не воевала с Америкой, а Франция с Испанией? Значит, и этот принцип не является безупречным.

Вернемся к понятию «мусульманский мир». Грубо говоря, его можно разделить на две большие части – «суннитский мир» и «шиитский мир». Прочие ответвления, толки и секты мы пока оставим в покое – за редкими исключениями, они не делают погоды. Сунниты составляют большинство, и самой влиятельной суннитской страной является Саудовская Аравия – там находятся Мекка и Медина – места, связанные с жизнью и деятельностью Пророка. Мекка является целью ежегодного паломничества мусульман всего мира – «хаджа», что считается священной обязанностью каждого верующего. За исключением Ирака и, возможно, Йемена, суннизм доминирует во всех арабских странах, в Пакистане, Индонезии, в Турции, в Средней Азии, в Северной и Центральной Африке, в мусульманских странах Европы – Боснии и Албании... Шииты же составляют подавляющее большинство лишь в Иране и Азербайджане; в остальных же странах это либо просто солидное большинство (как в Ираке), либо незначительное меньшинство. В целом численность их не составляет более одной десятой части всех мусульман.

Раскол произошел еще в VII веке, после убийства четвертого халифа мусульман Али, зятя Мухаммеда. Само слово произошло от «шиа Али» – «партия Али», которая настаивала, чтобы лишь потомки его и дочери Мухаммеда Фатимы наследовали халифский титул. Их более прагматичные противники, которые назвались суннитами (от «сунна» – жизнеописание Пророка), посчитали, что халифом может быть каждый, кто заботится о правильном исполнении религиозных предписаний и поддерживает порядок в мусульманском мире. Сунниты оказались в большинстве, а шиитов до сих пор рассматривают как «раскольников» или даже «еретиков». Кровавые столкновения между фанатичными последователями двух направлений не раз имели место на протяжении минувших столетий. Да и сегодняшний Ирак наглядно демонстрирует нам, что эти противоречия живы до сих пор. Они были лишь притушены во время затянувшегося диктаторского правления Саддама Хусейна, но сейчас вновь выпущены в обращение и, как нетрудно предположить, усиленно подогреваются из-за рубежа.

Можно ли в этом случае говорить о «мусульманском мире» как о некоем единстве? Казалось бы, столько противоречий между входящими в него странами, да и внутри самих этих стран, что ни о каком единстве и помышлять не приходится. И тем не менее, понятие такое существует и вполне правомерно. Главный объединяющий фактор – религия занимает в жизни жителя этого мира гораздо большее место, чем, скажем, в жизни европейца или американца. Одна причина – это скудость светской духовной жизни мусульман. Много ли мы можем вспомнить заметных имен из современной иранской или сирийской, или египетской литературы? В Европе, где переводится все, заслуживающее внимания, литература мусульманского мира практически не представлена. Исключение составляет лишь Турция, ее писатели известны и пользуются популярностью. В отсутствие собственной значительной литературы можно было бы пользоваться переводной – но, увы, на местных языки, даже крупные – арабский, фарси, урду – переводится ничтожное по мировым меркам количество произведений мировой литературы. Чаще всего – по причине «неприемлемости, несовместимости с мусульманской моралью». Возникающий дефицит «духовной пищи» восполняется Кораном, его толкованиями, различной литературой сугубо мусульманского содержания. То же самое происходит на телевидении и радио.

Другая причина – это процессы, происходящие внутри самого ислама. Некоторые называют это «исламским возрождением», явно видя в качестве аналога европейское Возрождение, хотя сравнение это едва ли правомерно. Прежде всего – из-за отсутствия подчеркнута гуманистического содержания, характеризовавшего эту эпоху в Европе. Скорее можно было бы сравнивать «исламское возрождение» с эпохой Реформации, когда главным лозунгом было возвращение к истокам христианства. Но протестанты боролись против лицемерия и стяжательства официальной католической церкви, а исламские фундаменталисты, объявляющие полугосударственное образование, созданное Пророком в Аравии, вершиной общественного развития, ни с кем не сражаются. И против них никто не выступает, во всяком случае, открыто. Фундаменталисты спокойно и методично завоевывают ведущие позиции в мусульманском богословии, а стало быть, и в общественной жизни мусульманских стран. Аргумент у них практически один – вопиющая отсталость многих арабских (и вообще мусульманских) стран происходит оттого, что люди забыли заветы Пророка и пытались идти по пути прогнившего Запада. Единственный выход, который они предлагают, заключается в неуклонном следовании нормам изначального (средневекового) ислама.

Собственно, в самом фундаментализме как религиозном течении ничего плохого нет – напротив, он призывает верующих к неукоснительному исполнению норм шариата, прямо перекликающихся с библейскими Десятью заповедями. По сути дела, и некоторые направления христианства (баптизм, например) являются фундаменталистскими в своей основе, то есть базируются на изначальных ценностях христианской веры. Ортодоксальный иудаизм в его наиболее последовательном выражении – это тоже не что иное, как фундаментализм. И едва ли следует слепо верить аналитикам и публицистам (а их много), которые утверждают, что мусульманский фундаментализм – это главная угроза человечеству.

Другое дело – использование фундаментализма в политической практике. Политические деятели, зачастую весьма далекие от богословия, избирательно используют фундаменталистские или вообще исламские лозунги в своих целях, из которых одна является главной – завоевание (или удержание) власти. Это – политический ислам, чаще называемый исламизмом.

Само это явление опять же особой опасности не представляет; исламистские партии давно занимают определенное место на политической арене мусульманских стран, и некоторые из них придерживаются достаточно реалистических позиций. Другое дело – радикальный исламизм (исламский экстремизм, «джихадизм»). Лозунги его просты и понятны: «сокрушить Запад», «сокрушить Израиль», «убить неверного – богоугодное дело», «жертвовать собой во имя Аллаха – прямая дорога в рай» и тому подобные. Они легко налагаются на уже давно существующие представления, впитанные практически каждым мусульманином еще в начальной школе – «Запад нас поработал и эксплуатировал», «Израиль незаконно отнял наши земли», «они отбирают то, что нам принадлежит, поэтому им выгодно наша отсталость». Они действительно чувствуют себя отсталыми и униженными, но не могут обвинить в этом себя – таково свойство человеческой натуры. Лучше свалить это на внешние причины. В интерпретации радикальных исламистов «причины» становятся целью нападения – и в качестве аргумента приводится одна из версий коранического изречения, что «то, что завоевано исламом, навсегда остается его владением». Испания была под властью исламских правителей – должна быть и сейчас. Франция, до битвы при Пуатье, – была завоевана. Потом – Восточная Европа, вплоть до Вены. Индия, находившаяся под властью мусульманских правителей... Практически – претензии на мировое господство, и общество, воспитанное на идее собственной религиозной исключительности, своего морального превосходства над всем остальным миром, готово эти претензии разделить. Общество – но далеко не всегда руководители государств, среди которых есть и союзники Запада. Тем не менее, радикализация общества продолжается, антизападные настроения все сильнее муссируются, и в этой связи можно безошибочно заключить, что «мусульманский мир» становится непримиримым врагом Европы и Америки. Заметьте – не ислам или какое-то из его направлений, и даже не какие-то отдельные государства. Против нас настроено общество, особенно его обездоленные низы, легче всего становящиеся жертвой пропаганды. И отголоски этих настроений мы все чаще видим у нас, в безмятежно благополучной Европе.

Но – об этом позже, а пока наш разноцветный глобус продолжает крутиться, и мы дошли до Ирака, граничащего с Ираном, которому, без сомнения, стоит уделить особое внимание. Современные события, связанные с атомной программой Ирана, накатываются на нас чуть ли не каждый день; это тема отдельного подробного разговора. Важно то, что роль Ирана в мировой

политике (и экономике тоже) больше, чем предполагалось до сих пор, и последствия этого пока трудно предсказать.

АРАБСКОЕ РАЗНОЦВЕТЬЕ

Ирак. Сначала эта страна, бывшая лишь географическим понятием, принадлежала Персии. К VII веку, то есть к началу арабских завоеваний, арабы там уже жили и, возможно, составляли большинство населения. Они были христианами – монофизитами или несторианами; последние пользовались особым расположением персидской верхушки общества, исповедовавшей зороастризм. Дело было просто в том, что Византия, непримиримый противник Персии, считала несториан еретиками и всячески их преследовала. Они отвечали тем же; несторианами были и многие из монголов, позже участвовавших в великом походе Чингисхана и его наследников. Язычники не проявили бы уважения к русским церквям, многие из которых остались нетронутыми...

Стремительное продвижение арабских армий, вооруженных только что возникшей верой – исламом, покончило и с Персией, и с прежними религиями. Ирак стал провинцией мусульманского халифата, простиравшегося от Синда в Пакистане далеко на запад, до Испании. Столицей его была Медина, один из городов Пророка. Однако столицей четвертого халифа Али стал город Куфа, в Ираке. Халифа, как известно, злодейски убили, его сын Хусейн был разгромлен и убит при Кербеле. Эти города, а также Неджеф, где находится могила Али, являются наиболее почитаемыми святынями шиитов. Захватившая халифскую власть династия Омейядов из Сирии превратила Ирак снова в бесправную провинцию – несмотря на то, что Ирак был самым населенным и самым экономически развитым районом всего мусульманского мира. Расцвет наступил при новой династии Аббасидов, отдаленных родственников Пророка, живших ранее на юге нынешней Иордании. Они-то и выбрали Ирак в качестве оплота своей власти. Сначала столицей вновь была Куфа, но в середине VIII века халиф аль-Мансур (Альманзор, в старой европейской традиции) основал новую столицу в районе бедной деревушки Багдад. Решение было гениальным в стратегическом отношении – рядом междуречье Тигра и Евфрата, в арабской традиции – «Аль-Джазира», «остров», с древнейших времен житница всего Ближнего и Среднего Востока. С другой стороны – дорога, ведущая через горы Загроса к Иранскому плато и на юг, к Басре. К тому же рис и финики доставлялись из Басры в Багдад по полноводному Тигру. Очень скоро Багдад стал крупнейшим центром, он был больше, чем любой другой город не только в Западной Азии, но и в Европе. Временем наивысшего расцвета Багдада стало правление халифа Харуна ар-Рашида, героя сказок и легенд, того самого, кто послал живого слона в подарок своему современнику Карлу Великому. Потом начался упадок, кульминацией которого стало разрушение древнего канала Нахраван, тысячелетиями обеспечивавшего плодородие земель Центрального Ирака. В годы хаоса Ирак был наводнен воинственными племенами с севера, как иранскими по языку, так и тюркскими. В 1055 году вождь сельджуков Тогрул-бек взял Багдад и фактически положил конец независимости халифата. Потом были монголы, туркмены, вновь персы и, наконец, Османская империя, подмявшая под себя практически весь арабский мир. Какое-либо экономическое или духовное развитие стало невозможным – султанская Турция безжалостно эксплуатировала свои вассальные территории и не допускала каких-либо поползновений к независимости и вообще к прогрессу. Так продолжалось без малого четыре столетия, до тех пор, пока не пала сама Османская империя. В 1918 году, по итогам Первой мировой войны, Ирак стал британской подмандатной территорией. Это продолжалось недолго – во всяком случае, не настолько долго, чтобы у нынешних арабских «властителей дум» мог появиться повод упрекать Англию в «колониальном угнетении Ирака». Уже в 1921 году на трон в Багдаде вззошел Фейсал, бывший ранее (правда, недолго) королем в Сирии, а до этого возглавлявший знаменитое арабское антиосманское восстание (заметную роль в нем сыграл британский агент, Лоуренс Аравийский). В октябре 1932 года Ирак получил полную независимость.

В начале Второй мировой войны Ирак сначала придерживался союза с Англией, но потом, после падения Франции, склонился на сторону Гитлера, присоединившись к мнению других арабских лидеров. Это вынудило Англию вновь оккупировать Ирак, разгромив его неспособную армию в течение месяца. Это не нарушило, однако, принципа независимости Ирака. Бурное политическое развитие продолжалось, и оно привело к мятежу «Свободных офицеров» в 1958 году. Вся королевская семья была истреблена, казнены были многие видные политики из

«старой гвардии». Бригадный генерал Касем провозгласил республику, но на самом деле это была военная диктатура. Очень скоро он растерял всех своих союзников; только Советский Союз продолжал его поддерживать, но этого оказалось мало. В 1963 году Касем был убит, и к власти пришли офицеры, связанные с Партией арабского социалистического возрождения (Баас). Борьба за власть внутри этой партии, которую КПСС признавала «братской», продолжалась до 1979 года, когда к власти пришел Саддам Хусейн. Железной рукой, с помощью послушных соратников, ему удалось устранить всяческие намеки на оппозицию. Сколько человек было при этом казнено, едва ли возможно подсчитать. У власти остался «тикритский клан» – близкие и не слишком близкие родственники Саддама, выходца из этого же города. Тикрит – это один из оплотов суннитского меньшинства в Ираке, и у власти в стране оказались не просто сунниты, а убежденные противники шиитов, которые составляют большинство населения Ирака. Вина за тираническое правление Саддама Хусейна косвенным образом легла и на суннитов – и сейчас Ирак продолжает оставаться на грани гражданской религиозной войны.

У всех, конечно, на памяти и война в Персидском заливе, и последовавшая оккупация Ирака, и арест Саддама Хусейна. И до сих пор продолжают споры: правомерна ли была эта война (ведь повод – стремление Ирака к обладанию ядерным оружием – оказался ложным), изменила ли эта война соотношение сил между Востоком и Западом, и если изменила, то не в худшую ли сторону? Недавняя волна антиамериканских демонстраций по всему миру, как это ни покажется неожиданным, подтвердила правоту Америки. Ведь что такое массовая демонстрация? Еще по советскому опыту мы знаем, что стихийно они не возникают, и даже для того, чтобы написать плакаты, нужны деньги. Всевозможные арабские фонды, действующие под маской благотворительности, охотно эти средства выделяют. Как выделял в свое время ЦК КПСС миллионы на поразившие Европу массовые манифестации против размещения на континенте американских ракет «Першинг-2»...

Раз деньги тратятся, значит, они должны окупаться. Цель – спровоцировать скорейший уход Америки из Ирака и отдать его в безраздельную власть исламистских партий. События, однако, идут по другому руслу – американцы и их союзники уже редко становятся целью террористических актов, их жертвами становятся сами иракцы, то шииты, то сунниты. То, независимо от веры, армейские новобранцы на вербовочных пунктах, то сотрудники государственных учреждений. Война идет не с Америкой, как нас пытаются убедить и арабские, и европейские политики, – идет процесс самоидентификации различных религиозных и этнических общин, наглухо задавленных при режиме Саддама. Внезапная свобода не всегда приводит к миру, но американцы по мере сил стараются играть роль стабилизирующего фактора.

Вердикты прессы разделились странно. Одни считают: Америка проиграла, потерпела поражение в Ираке. Другие уверяют: не совсем, еще не все потеряно, нужно только изменить политику. И лишь сама американская администрация настаивает: все было сделано правильно – стратегически, а от тактических ошибок не гарантирован никто. Вероятно, это и есть самое разумное мнение – ведь историю не повернуть вспять, и пусть не было ядерного оружия у Саддама, само его устранение от власти (вспомним ирано-иракскую войну, уничтожение курдских деревень химическим оружием, захват Кувейта и сопутствовавшее насилие) сделало мир лучше. Ирак занят самим собой, поисками собственного пути и в арабском, и в большом, таком разноцветном, мире. И мало что здесь зависит от Америки – Ирак все сделает сам.

Сирия, лежащая к западу от Ирака, относится к одному из районов, называемых «колыбелью человечества». Считается общепринятым, что письменность появилась за три тысячи лет до нашей эры на юге Вавилонской державы. Есть, однако, данные, что элементы, приведшие к письменности, появились в Сирии еще в VIII веке до н. э.!

В середине III тысячелетия возникло могущественное царство с центром в Ибле, к югу от нынешнего Халеба. Сохранившиеся 17 тысяч глиняных табличек подробно, в мелочах, описывают социальную, экономическую, религиозную и политическую жизнь царства. Язык определен как северо-западный семитский. Впрочем, семиты властвовали и в Аккадской, и Вавилонской империях, которые и расправились с независимым царством, до сих пор не имеющим имени. Но вскоре последовал ответ – племена аморитов (пришедших с запада) наводнили Месопотамию и основали там сотни поселений. Великий законодатель Хаммурапи был по происхождению аморитом...

Полагают, что именно из Сирии началось движение кочевников-гиксосов, завоевавших великий и мощный Египет. Гиксосы были индоевропейцами по происхождению; их союзники хурриты научились от них коневодству и искусству боя на легких колесницах, а потом основали восточнее

Евфрата могущественное царство Митанни. Изгнав хититов, Египет покорил это царство; затем пришли индоевропейцы-хетты, владевшие способом обработки железа. И лишь потом страна была наводнена завоевателями поднимавшейся к вершине мировой власти Ассирийской державы.

Примерно с XIV века до нашей эры ассирийцам пришлось столкнуться с растущей силой новых семитских пришельцев – арамейцев, основавших множество процветающих городов. Ассирийцам приходилось только отбиваться, и позиции их слабели. Примерно к этому времени относится и исход евреев из Египта, и основание собственного государства со столицей в Иерусалиме. XI век до нашей эры – и тогда же арамейцы основывают свое царство со столицей в Дамаске. Натиск индоевропейских народов с севера продолжался – сначала киммерийцы, потом скифы... Они, вместе с мидийцами, подорвали могущество Ассирии. Последний рывок: владетель Вавилона Навуходоносор разгромил нападавших с юга египтян, взял Иерусалим и угнал его жителей в рабство. Вскоре после этого Ассирия пала под ударами Персии, а через два века Александр Великий уничтожил Персидскую державу.

Оставаясь провинцией Греческой и Римской империй, а потом и Византии, Сирия превратилась в замечательный центр культуры. Антиохия, новая столица Сирии, была причислена к крупнейшим городам империи; местные школы риторики, юриспруденции, медицины славились по всему миру, равно как и литература и изобразительное искусство. При этом сохранялась удивительная веротерпимость – допускались и греко-римское многобожие, и христианство, и местные языческие верования. Причем по-гречески говорила лишь верхняя прослойка общества, а большинство сирийцев – по-арамейски или на других семитских диалектах. Никакой насильственной «интеграции» не было и в помине.

Потом пришли арабские завоеватели. Сначала насильственного обращения в ислам не было – даже не все немногочисленные арабские племена, поселившиеся к тому времени в Сирии, восприняли призыв Пророка. Семитское большинство было христианским; лишь некоторые остались при своих древних верованиях (это не была иудейская вера, скорее наоборот – то, против чего яростно боролись все еврейские пророки). При египетской династии Фатимидов наступил расцвет культуры, давший миру философа аль-Фараби и писателя Абу-ль-Фараджа.

Потом пришли сельджукские завоеватели и все разрушили. На развалины, уже в XI веке, явились крестоносцы. Разгромленные впоследствии Саладином, они продержались недолго. Потомков Саладина сменили бывшие наемники – мамлюки, и их султан Бейбарс покончил и с крестоносцами. Начавшееся экономическое развитие было остановлено в 1401 году Тимуром, который разорил и разрушил все, что оставалось в Сирии после предыдущих войн. Через столетие пришла Османская империя. Правление было относительно мягким – Турция признала полномочия христианских патриархов и еврейских общин, город Халеб (Алеппо) стал центром международной торговли, в которой решающую роль играли французские и английские купцы, равно как и коммерсанты из сирийских христиан и евреев. В городах стали носить европейскую одежду, открывались школы, преподавание в которых велось по западному образцу...

Когда Турция вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, державы Антанты начали против нее военные действия. Войска английского генерала Алленби взяли сначала Иерусалим, а потом при поддержке арабских повстанцев уже упомянутого Лоуренса Аравийского – Дамаск. В 1920 году Сирия стала подмандатной территорией Франции. Когда в 1940 году Франция пала под ударами гитлеровской Германии, вишистское правительство разрешило немецким самолетам заправляться в Сирии для последующих ударов по Ираку. Через месяц, в июне 1941 года, войска Англии и Свободной Франции захватили страну и сразу же провозгласили ее независимость.

Сокрушительное поражение объединенных арабских армий в войне против Израиля вызвало резкое недовольство правительством – антиизраильские настроения в обществе и тогда еще были очень сильны. Тогда и возникла партия Баас («возрождение»), привлекавшая в свои ряды студентов и молодых офицеров. Политическое развитие в Сирии сопровождалось частыми беспорядками, межобщинными столкновениями, стремлением отдельных группировок к безраздельной власти, что приводило к военным переворотам. Провалом закончилось и создание Объединенной Арабской Республики (Сирия – Египет), в котором египетский президент Насер требовал для себя лидирующей роли. Это искусственное образование просуществовало всего 3 года, с 1958 по 1961. И уже в 1963 году власть в Сирии захватила партия Баас и после продолжительной борьбы президентом стал генерал Хафез Асад. Под его руководством Сирия

еще трижды воевала с Израилем, и все три раза проиграла. Тем не менее, власть он удерживал прочно, до своей смерти в 2000 году, когда новым президентом стал его сын Башар.

Примечательная особенность: отец и сын Асады, а также все высшие руководители страны – и гражданские, и военные, и партийные – принадлежат к секте алавитов, хотя, скажем, президентом по конституции должен быть суннит.

Алавиты – их еще называют нусайритами, по имени основателя – довольно странное явление для мусульманской страны. Нусайритское учение переполнено элементами шиизма, христианства и домусульманских астральных культов. Алавиты обожествляют Иисуса, празднуют христианское Рождество и Пасху. Одновременно нусайриты сохранили культ солнца, звезд и луны. Соблюдение основных мусульманских заповедей – молитва, паломничество, пост, обрезание и пищевые запреты – не признается. Во время богослужения нусайриты причащаются хлебом и вином, читают Евангелие.

Возможно, это является фундаментальной слабостью династии Асадов – но пока не предвидится конца их правлению. Сирия под правлением Асада-старшего оккупировала соседний Ливан и вышла из него без особых политических потерь; висит лишь обвинение в убийстве бывшего ливанского премьера Рафика Харири. Но и тут даже в самом крайнем случае найдут, кого принести в жертву. Кроме того, Сирия откровенно позиционирует себя в качестве активного члена «общеарабского единства» – отсюда и поддержка террористических организаций, действующих против Израиля, и практически открытые границы с Ираком, через которые свободно проходят сотни боевиков, действующих против союзных войск во главе с Америкой. Сейчас она испытывает серьезное давление со стороны Запада, и нельзя исключить, что Башару Асаду придется менять свою политику. Первый шаг уже сделан – Сирии пришлось срочно уйти из Ливана, куда ее войска вошли еще почти два десятилетия назад. За это время многие крупные ливанские предприятия срослись с сирийскими, и уход Сирии из Ливана серьезно повлиял на экономическую конъюнктуру в обеих странах. Впрочем, Ливан, древняя торговая держава, пока вроде бы справляется с возникшей ситуацией.

Возделывание культурных растений и разведение одомашненных животных началось на территории нынешнего Ливана еще около десяти тысяч лет назад. Потом, на исходе бронзового века, с берегов Эритрейского моря (Персидского залива), если верить Геродоту, пришли семитские племена финикийцев и основали свое государство. Главным занятием жителей стало мореплавание и торговля с соседними странами, в первую очередь с Египтом. Но и не только – в Библии документировано, сколько и чего прислал финикийский царь Хирам для строительства Соломонова храма. Финикийцы основали множество колоний по всему Средиземному морю, мы можем найти остатки их и на Сицилии, и на Мальте, и на любимой немцами Майорке, и на испанском побережье. Карфаген, бывшая финикийская колония на северном побережье Африки, превратился в могучую державу и всерьез угрожал Риму. А Финикия – исчезла неизвестно куда. Однажды мой приятель-арабист познакомил меня с симпатичным рыжеволосым ливанцем. «На самом деле он – финикиец». Совершенно неожиданно оказалось, что этот человек смог подтвердить свое финикийское происхождение и даже получить соответствующий паспорт от ООН – единственный в мире!

Как и все соседние страны Ближнего Востока, Ливан был освобожден от владычества Османской империи лишь после Первой мировой войны. В 1923 году он стал республикой, в 1946 году получил полную независимость. В Ливане, как, пожалуй, нигде в арабском мире, в те годы огромное влияние имели христиане-марониты (одно из направлений православия, правда, находящегося в союзе с Папой Римским). И до сих пор, по сложившейся конституционной традиции, пост президента должен занимать маронит, премьер-министра – суннит, председателя парламента – шиит.

Политическое развитие Ливана проходило достаточно бурно; менялась и демографическая ситуация, отнюдь не в пользу христиан. Экономика, тем не менее, процветала, и Ливан часто называли «ближневосточной Швейцарией». Многочисленные туристы могли кататься на лыжах в хорошо обустроенных горах и через полчаса купаться в теплом море. Так продолжалось до тех пор, пока арафатовская Организация освобождения Палестины, изгнанная из Иордании в 1970 году, не избрала Ливан своей базой. Уже к 1973 году каждым десятым жителем страны был палестинец. Как и везде до этого, они рвались к власти – и в апреле 1975 года в стране разразилась полномасштабная гражданская война. Одновременно палестинцы резко активизировали свои действия против соседнего Израиля; в ответ в марте 1978 года израильская армия перешла границу и уничтожила множество палестинских баз. Рейд был коротким, и

вскоре после него палестинцы вернулись на прежние позиции – с еще большей жадой стрелять по Израилю, чему в немалой степени способствовала Сирия. Лишь в июне 1982 года Израиль решил с этим покончить – 60 тысяч солдат фактически оккупировали Южный Ливан. Им помогало в этом христианское ополчение (почему-то никто не посмотрит в словарь: у нас принято выражение «христианская милиция»). Ошибка командовавшего операцией Ариеля Шарона – он позволил христианским отрядам произвести «зачистку» лагерей беженцев Сабра и Шатила, и, когда тем оказали вооруженное сопротивление, они начали стрелять куда ни попадя. Более тысячи человек погибло, в основном действительно мирных беженцев. Марониты были возбуждены убийством их лидера Башира Жмайеля, избранного президентом, но не успевшего вступить в должность. Вину за Сабру и Шатилу ввалили на Израиль – все были довольны. Израильские войска ушли – их место тут же заняли сирийские соединения, гораздо более мощные. Арафатовцы были еще раньше вынуждены бежать из страны в Тунис, согласившийся их принять, но, как говорится, свято место пусто не бывает – на позиции ООП, в том числе и в знаменитой долине Бекаа, явилась шиитская организация «Хезболла» («партия Аллаха»), вооружаемая и финансируемая Ираном. Израильская операция, победно завершившаяся, ни к чему серьезному так и не привела – шило сменилось на мыло, а Сирия забрала всю власть в Ливане. Так продолжалось до недавних пор – и сейчас, после ухода сирийских войск, Ливан имеет солидный шанс на возрождение.

Мы двигались на запад почти напрямик, не ставя целью охватить весь арабский и мусульманский мир. В стороне остался Египет, где арабские нищие назойливо выдают себя за прямых потомков древнейшей на земле цивилизации; лежащие от него на запад Ливия, страны Магриба – Алжир, Тунис, Марокко; и далее – Мавритания, Мали, Чад, Нигерия в своей северной части, Гвинея, Занзибар и часть Кении; в общем, значительная часть и Азии, и Африки осталась за рамками нашего путешествия. В противном случае оно не закончилось бы никогда, во всяком случае, для читателей нашего журнала и для меня, автора, ввязавшегося в безнадежную затею.

И все-таки – южнее Ливана лежит земля Израиля, древней и великой страны, которой многие века не существовало на нашем глобусе. Теперь она есть – и самим своим существованием определяет наиболее значительный сегмент мировой политики. Прежнее противостояние «Восток – Запад» закончилось с крахом Советского Союза и всей «социалистической системы». На смену ей пришло другое противостояние, но тоже: «Восток – Запад». Элементы этого мы видим каждый день – и в прессе, и на улицах, по которым мы ходим, и в разговорах с друзьями и знакомыми. А все началось – с Израиля...

Израиль, находящийся на Ближнем Востоке, лишь по взрывному темпераменту может быть причислен к Востоку. И по происхождению жителей в момент основания, и по образованию, и по трудолюбию – это европейская страна; другое дело, что она не очень хочет иметь дело с Европой, предавшей евреев, продавшей их Гитлеру за иллюзорный кусочек благополучия.

И все-таки Израилю приходится иметь дело и с Европой, и с Америкой, и со всем миром, арабским в том числе, который поклялся сбросить его в Средиземное море. То самое, по которому путешествовал апостол Павел, донося слово Господа до чуждых народов...

У нас впереди – Европа. И Израиль как часть Европы. Путешествие на запад продолжается.

Продолжение следует